

Москва на рубеже истории. О “топонимической встряске” и не только

Клаудия Оливьери

«Если бы стены могли говорить...»
Меня поправляет пресс-секретарь Ельцина:
«Эти стены не говорят, только слушают»
Деметрио Волчич

Толчком для работы над данной статьей стал забавный случай, который произошел со мной много лет тому назад. Первый мой приезд в Москву состоялся уже после распада Советского Союза. Я привезла с собой путеводитель, выпущенный еще в советское время, который достался мне по случаю за копейки. Но неслучайно, по нему оказалось совершенно невозможно ориентироваться, что стало ясно сразу же после моего прибытия. «Топонимическая встряска», о которой писал Витторио Дзуккони (о нем речь пойдет чуть позже), изменила названия почти всех улиц¹. Но, в порядке моральной компенсации, «просроченный» путеводитель открыл для меня удивительные места, например, ВДНХ, которые в тот период исчезли из новой “топографической памяти” и истории города и, как следствие, из путеводителей новой эпохи².

¹ «Нет текстов\учебников по географии, которые смогли бы вовремя зафиксировать до начала учебного года, что стартовал в одном государстве (СССР), а закончился в другом (Россия? СНГ?) эту топографическую встряску [...]. 70% улиц Москвы носили имена, связанные с павшим режимом, с его фальшивыми героями и жестокими мифами» (Zusconi 1992, 120, 163). О переименовании топографических названий столицы, продолжающемся и в наши дни, см. *Московские переименования: от Лермонтова до Уго Чавеса* <https://openuni.io/course/1/lesson/11/material/131/>; см. также Никитин 2020.

² Например, Дубинская (1982, 53-6) посвящает Выставке Достижений Народного Хозяйства (а также Останкинскому дворцу и Останкинской телебашне, находящимся в том же районе) 3 страницы; *LonelyPlanet* (1996, 269) лишь небольшую заметку.

Claudia Olivieri, University of Catania, Italy, claudia.olivieri@unict.it, 0000-0002-1519-4691

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Claudia Olivieri, *Moscow at the turn of history. About the “toponymic upheaval” and not only*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0238-1.21, in Shin'ichi Murata, Stefano Aloe (edited by), *The Reception of East Slavic Literatures in the West and the East*, pp. 243-255, 2023, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0238-1, DOI 10.36253/979-12-215-0238-1

Без всякого сомнения было бы небезынтересно разобраться, как в ходе истории меняется образ и представление Москвы, как внутреннее, так и внешнее, в справочниках для туристов. Но если, как заметил Левинсон, «в Москве события разворачиваются в неких социальных и топографических обстоятельствах, которые заданы ее историей и планировкой» (Левинсон 2012), то я намереваюсь затронуть тот аспект, который демонстрирует, как в Италии видели, понимали, показывали и рассказывали Россию (РСФСР, СССР) и, в частности, городскую географию Москвы сразу *до* и *после* падения СССР, когда город из столицы Советского Союза, которым был семьдесят лет, вновь стал столицей России, которой был всегда (Franceschini 2021, 179). И для этого обращаюсь к «особым» наблюдателям, таким как Деметрио Волчич, чьи слова я цитирую в начале данной работы. Ведь в отличие от слов, приведенных в эпиграфе (Volcic 1992, 224)³, «стены» (т.е. места) скорее не «только слушают». Они рассказывают. И о них стоит рассказать, чтобы создать своеобразный «городской текст» в стиле В. Топорова.

Итальянцы путешествовали по России или по СССР давно и с разными целями: политическими и культурными, познавательными, религиозными, деловыми. Неслучайно библиография по данной теме обширна и обновляется постоянно⁴. Конечно, я не претендую на ее углубленный анализ, и, по причинам объема, я ограничусь цитированием работ Уго Перси (2013), Альберто Дзавы (2018), Кети Траини (2022), потому как все они обращаются к опыту писателей-журналистов, которые посещали советскую Россию и периодически сотрудничали с газетами, журналами, (а позже) и издательствами, чтобы поделиться своими впечатлениями о стране Советов. Если Дзава рассматривает только опыт Энрико Эмануэлли, Карло Леви, Гуидо Пьовене, то Траини составляет широкий и детализированный реестр имен, названий, дат (Traini 2022, 217-312), а Перси же, со своей стороны, проводит грань между писателями и репортерами, исследует свидетельства первых, но опосредованно признает, что вторые фиксируют реальность имманентную и изменяющуюся, так что их описания «уже давно канули в Лету» (Persi 2013, 106)⁵. Но не по этой причине, добавила бы я, эти описания не имеет смысла использовать.

³ В данном случае журналист имеет в виду случай, произошедший в бывшем здании КПСС на Старой площади, куда был приглашен для интервью с Борисом Ельциным уже после 25 декабря 1991 года.

⁴ Имеет смысл привести в качестве примера работы Джорджо Марии Николай (*Il grande orso bianco*, 1999; *Sovietlandia*, 2009), многочисленные выпуски *Bollettino* или “Biblioteca del Viaggio in Italia” C.I.R.V.I; см. полный список на сайте <http://www.cirvi.eu/collaneedite.php?article=biblioteca-del-viaggio-in-italia>.

⁵ «Хотя отчеты журналистов и имеют огромную ценность и затрагивают также и моменты, связанные с русской культурой [...], они содержат явные социоэкономические и политические черты, тесно связанные с реальностью, которая [...] действительно уже отошла в мир иной [...]. Писатель же, в любом случае, всегда отдаст предпочтение факту, напрямую связанному с человеком, аспекту, более всеобъемлющему с культурной точки зрения, живописному виду» (Persi 2013, 107). Здесь и далее переводы с итальянского на русский

Собкоры-путешественники нетипичные, потому как “постоянные”. С другой стороны, не учитывая цели хронико-информативные, их опыт познания “иных” мест всегда остается субъективным. В одной из статей Наталия Урина уделяет особое внимание журналистам и корреспондентам с конца XIX века, «стараниями которых в Италии создавался и создается образ России» (Урина 2014, 245). Список длинен и разнообразен, разделен по эпохам, политическим направлениям, типологиям текстов (с текста из-за рубежа до последующей монографии) и с указанием личный ли это опыт или нет. Не случайно Урина уточняет, что, когда речь идет о путешествиях *sui generis*, «строгого определения жанра нет» (Урина 2014, 247).

Маурицио Феррара, Джузеппе Боффа, Пьеро Оттоне, Примо Леви, Альберто Ронкей, Альберто Каваллари, Энцо Беттица, Пьеро Остеллино... вот имена, когда речь идет только о второй половине XX века, и список не полон⁶. В своих работах они отражают точную хронику, даже если уже “не актуальную”, двадцатилетия с пятидесятых до семидесятых годов прошлого столетия.

В настоящей работе я намереваюсь уделить внимание некоторым свидетельствам, которые рассказывают впечатления о местах последних лет (месяцев, дней) Советского Союза, записанные и опубликованные в Италии в период с конца восьмидесятых до начала девяностых годов. Их авторами по большей части являются как раз корреспонденты наших газет и телевидения (такие как Волчич, например), которые в те годы жили в столице на постоянной основе, но есть и “случайные свидетели”, такие как политик Джулио Андреотти и... персонаж комиксов Тополино.

И в этом случае подборка текстов, которую я приведу, не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей. В один и тот же период в Москве проживали, например, Энцо Мауро, Франко Вентурини, Джульетто Кьеза. Другие же, возвратившись в Италию, продолжали писать о России. Было бы интересно рассмотреть и прочие “иные” источники, такие как, скажем, воспоминания итальянских стипендиатов, которые в те годы жили в СССР. В эпоху перестройки спрос, любопытство и желание приблизиться к тому, что бы-

выполнены Еленой Дегтяревой, которой хочу выразить особую благодарность и за лингвистическую вычитку этой статьи.

⁶ Та же Урина (2014, 249), замечает, что «вопрос о роли итальянских СМИ в создании образа России, несмотря на его очевидную значимость, изучен фрагментарно»; в тексте перечислены имена всего лишь некоторых наиболее известных корреспондентов того времени, которые на постоянной основе жили в России, а затем рассказали о своем опыте, см., например: *Mal di Russia*, 1965 (Феррара); *Dopo Krusciov*, 1965 (Боффа); *La nuova Russia*, 1967 (Оттоне); *Il potere in Russia*, 1965 (Леви); *La Russia del disgelo*, 1963 и *Ultime notizie dall'URSS*, 1974 (Ронкей); *La Russia contro Krusciov*, 1964 (Каваллари); *Il diario di Mosca*, 1970 и *Qui Mosca*, 1974 (Беттица); *Vivere in Russia*, 1977 (Остеллино). К списку можно было бы добавить и другие имена (например, Адриано Гуэрра, который оставил солидное журналистское наследство, или Паоло Гаримберти, который пишет о странах Восточной Европы), это и случайные наблюдатели (как Эудженио Скальфари, который посетил СССР весной 1962 года), и блестящие журналисты, попросту заинтригованные страной Советов (Луиджи Барзини-мл., Ламберти Соррентино, Энцо Бьяджи).

ло за “железным занавесом”, велики и не всегда так уж благожелательны и беспристрастны.

Подтверждением этому стал именно *Тополино* от 16 октября 1988 года. На обложке мы видим купола Храма Василия Блаженного и название “Большой куш в Москве”, но, вопреки ожиданиям, выпуск не повествует подробно и в деталях об истории, которая происходит в столице. Зато *Тополино* является главным героем одного «невероятного приключения» (*Topolino* 1988, 5-62), в котором можно узнать некоторые стереотипы и события «на злобу дня»⁷. Единственным недвусмысленным “русским” содержанием выпуска является приложение “Открывая Россию” (*Topolino* 1988, 83-90), которое рассказывает о путешествии на машине по СССР «с двумя ребятами и их отцом», т.е., по порядку, с Энрико, Владимиром(!) и Массимо Тодиско. Хотя это и не является исключением из правил, интересно заметить, что концепция России с географической точки зрения совпадает с концепцией СССР. Путешествие-дорожка вьется не только по РСФСР того времени (Москва, Ленинград, «Zhellznogorsk», старинные русские города Загорск, «Suzdel», Владимир), но и проходит сквозь Кишинев, Одессу, Киев, Таллин⁸. Столица – это традиционная, даже лубочная, окрошка, которую мы увидим и в следующих произведениях: Кремль, Большой, мавзолей Ленина, «Храм Василия Блаженного с разноцветными куполами» (*Topolino* 1988, 88), который, скорее всего, и оправдывает обложку. Кроме фото всех известных мест, приложение содержит некоторые “декоративные” надписи на кириллице, безо всякой видимой логики надерганные (кто знает, почему) из *Маленьких трагедий* Пушкина. Вызывает улыбку то, что прилепленные друг к другу на первой же странице слова из *Скупого рыцаря* звучат еще более мрачно, чем в оригинале: вместо «И вы ему порядком отплатили» написано «...и вы ему отплатили, ядом...» (*Topolino* 1988, 83).

Притяжение и “боязнь”, как мне кажется, характеризуют и более серьезные тексты. Начнем, пожалуй, с Витторио Дзуккони (1944-2019) и Деметрио Волчича (1931-2021): у них разные, если не противоположные, взгляды. Их книги, соответственно, *Сказать ‘Россия’ легко* и *Москва. Последние дни*, выпущенные в 1992 году, – это туристические путеводители по недавней истории.

Дзуккони (газета *Il Corriere della sera*) «возвращается в Москву Ельцина после того, как оставил ее в когтях Брежнева» (Zucconi 1992, 195). Как репортер кажется более заинтересованным в истории политики и социума, чем

⁷ Благодаря профессорам «Zapotec» и «Skopinski», *Тополино* путешествует во времени, раскрывает план Пирата Оранго, который, во главе группы военных, хочет похитить корабль «Бирмания», дойти до островов Кури Кури, разобрать корабль на части и построить флотилию подводок, чтобы захватить весь мир. К счастью, все заканчивается хорошо. *Тополино* и Пиппо разрушают план Оранго, взорвав свой корабль; т.е. разоружаются (хотелось бы напомнить, что Горбачев и Рейган подписали ДРСМД всего лишь за год до этого, в декабре 1987 года).

⁸ *Тополино* будет более точен лет через десять в специальном выпуске *Torogeo* (1999, п. 11), посвященном государствам бывшего СССР и прибалтийским республикам.

в описании мест, где все это происходит, подтверждение тому – главы книги, посвященные таким темам, как здравоохранение, жилищное строительство и жилой фонд, система образования, общественный транспорт и т.д. Почти любое описание автора – антисоветское, безжалостное изображение падения коммунизма и утверждения ничем не сдерживаемого капитализма. Москва – «город-зомби», на который «и глаза б» хрониста «не смотрели»:

а вот именно эта Москва, которую мы должны узнать и которой смотреть в глаза [...] вот человеческая цена, что требует капитализм, тот фунт мяса, который рынок требует от обанкротившегося социализма [...] который сейчас взрывается на глазах у всех, потому что больше не нужен капиталистической пропаганде и западной полемике. Нищие демократических стран вызывают меньший интерес, чем нищие реального социализма. [...] Москва становится нормальной, но только в недостатках [...] как следствие, здесь сегодня собрано все самое худшее от современного города, рожденного промышленной революцией, без капли лучшего» (Zucconi 1992, 63-6).

Тем не менее, журналист неплохо знает столицу, ему интересны магазины в центре (закрытая секция ГУМа, «Самоцветы» на Новом Арбате), не обходит своим вниманием рабочие окраины (ЗИЛ, завод имени Лихачева, в настоящее время передовой центр культуры) и берет в фокус места-символы современности, такие как «небоскреб из белоснежного мрамора» – Белый дом (Zucconi 1992, 275), «‘Тоннель Свободы’ на пересечении Калининского и кольца, где танки стали причиной смерти Ильи, Владимира и Дмитрия», и «молодежь Ельцина все еще приносит цветы и говорит прохожему, который останавливается прочесть открытки: ‘Смотри и помни, что сделали коммунисты’» (Zucconi 1992, 285), или новейший американский ресторан «Пицца Хат», торжественно открытый «в холле старого отеля Люкс, зловещей гостиницы Коминтерна на улице Горького» (Zucconi 1992, 292).

Если «только-только сойдешь в новой России, как память тебя приколотит к воспоминаниям о старой» (Zucconi 1992, 281), то городская география Дзуккони классическая, советская. Книга начинается со Старой площади, места нахождения ЦК КПСС, следует до Новодевичьего кладбища и могилы Хрущева (в Италии “личность” популярная), посещает разрушающуюся Библиотеку им. Ленина, прогуливается до Мавзолея по Красной площади. И значимо, что крушение истории в 1991 году ощущается именно в этих двух местах, описанных с билием деталей и объединенных присутствием/отсутствием Ленина. Библиотека «была открыта для всех и двери комнат запрещенных книг наконец-то распахнуты», и тут же закрыта, превратившись в «самый траурный, самый гигантский из Красных склепов» (Zucconi 1992, 291). Красная площадь – «кладбище истории», где в конце августа толпятся призраки и проститутки (Zucconi 1992, 280-83).

Волчич (RAI-TV) оставил нам дневник «самого быстро пролетевшего года в истории» (Volcic 1992, 7), т.е. двенадцати месяцев, предшествующих и следующих за путчем 1991 года. Как и Дзуккони, он интересуется больше социумом, чем городом, но все же внимателен к политико-географиче-

ским аспектам (как в случае с национальными вопросами бывших союзных республик или субъектов РСФСР). Журналист также рассказывает о таких канонических местах, как ГУМ, где в избытке лишь очереди и дефицит (Volcic 1992, 127), Мавзолей, с особым вниманием к судьбе его «обитателя» (Volcic 1992, 68), и Красная площадь, куда он приходит с плохо скрываемой грустью вечером 25 декабря 1991 года, чтобы встретить и описать необычных посетителей:

Два старичка, каждый с красным знаменем, [...] пришли около одиннадцати на Красную площадь. Стали по стойке смирно и вперились с враждебностью в только что поднятый яркий бело-сине-красный флаг из синтетического материала, очень легкий и готовый развернуться, каким-то даже причудливым образом, при малейшем дуновении ветра. Предшествующий красный флаг был из тяжелого шелка и реял в постоянном ритме, который обеспечивал вентилятор, спрятанный под флаштоком. [...] На Красной площади, где за день до этого было запрещено даже курить, незадолго до часа ночи прошли трое пьяных, бросили на землю бутылку, и дежуривший милиционер наряд сделал вид, что не заметил. Это действительно конец (Volcic 1992, 219).

Но с большим вниманием Волчич относится и к местам новой истории, «страницы» и события которой неразрывно связаны с пространством, где происходили. Во Дворце Съездов, «памятник отвратительному вкусу Хрущева, пощечина из цемента старинным церквям и имперским дворцам» (Volcic 1992, 86), проходит последний съезд партии летом девяностого. И Белый дом – «памятник отвратительному вкусу [в этот раз, К.О.] Брежнева, но и свободе Ельцина», потому и «становится его крепостью» (Volcic 1992, 13, 24) во время путча 1991 года. В особняке Морозова, «мешанины из неоготики, возрождения и фольклорной мишуры» (Volcic 1992, 111), принимается решение об объединении двух Германий. В довершение ко всему, благодаря гласности той эпохи, журналист открывает для себя и громадный подземный город за Московским университетом, недалеко от академии КГБ, “Ноев ковчег” для будущего поколения коммунистов, т.е. предполагаемое ядерное бомбоубежище, описанное им не без иронии:

Было бы логично предположить, что где-то под Москвой существует ядерное бомбоубежище, как и во всех уважающих себя столицах. [...] Самый настоящий город, построенный на глубине от семидесяти до ста двадцати метров и вмещающий сто двадцать тысяч человек. [...] Можно предположить, что город был построен руками тех же агентов спецслужб. С обычными рабочими этот факт давно стал бы секретом Полишенеля (Volcic 1992, 184-85).

Как мы увидим, Энрико Франчесчини (1956) воспринимает подземную Москву чуть серьезнее. Журналист (из газеты *La Repubblica*) отличается от вышеупомянутых коллег, потому что с августа 1990-го по декабрь 1991-го публикует как интервью и статьи, позже собранные в книге *Конец империи. Последнее путешествие в СССР* (Franceschini 2021), так и роман *Женищина Красной площади* (Franceschini 1996).

Роман, судя по всему, автобиографический, рассказывает историю бурной, загадочной и несчастной любви молодого итальянского корреспондента в Москве и некой Наташи, в прошлом любовницы президента Горбачева. Может, Наташа – очередная героиня русской литературы, символ и метафора России, которая (в этом случае) хочет освободиться от прошлого. Сюжет, однако, представляется более значимым, потому что дает возможность приблизить к Италии «дядю» перестройки: «залогом его успеха стало и его лицо [...] добросердечное, открытое. Добродушное. У него не характерные русскому черты лица. [...] Глядя на него внимательно, кажется... вот точно, кажется, что это именно мой дядя» (Franceschini 1996, 138). Даже знаменитый «поворот вправо» 1990-го года стал, якобы, результатом шантажа президента со стороны КГБ, который угрожает обнародовать его внебрачную связь на весь мир (Franceschini 1996, 49).

Подземная Москва, о которой пишет Франческини, находится под Красной площадью. Его *alter ego* обнаружил ее существование во время экскурсии по Кремлю (!) и снабдил даже картой-схемой. Эту тайную Москву Первый секретарь использует, чтобы встречаться с Наташей:

В конце концов, мы нашли выход из ситуации [...]. Подземная улица. Туннель проходит под внутренней площадью Кремля до внешних стен и Тайницкой башни [...] пересекает Красную площадь, выходит в Китай-городе и заканчивается у железной дверцы. За дверцей – лифт [...] двери лифта открываются прямо в квартире. А в квартире – вот он я. [...] Не верится, да? А ведь наверняка и вы слышали разговоры о подземном городе. В Москве все о нем говорят, но никто не знает, где он. [...] Это как искать врата в ад: если тебя ведет не дьявол, не найдешь их никогда (Franceschini 1996, 62-3).

С другой стороны, Кремль – «средневековая крепость», с «секретными ходами, ловушками, двигающимися стенами», и таинственный город, который он скрывает, со временем разветвился и расширился. Дмитрий Донской создает его для «государственных шпионов», Патриархат – как «путь к отступлению», Иван Грозный – как арсенал, Сталин – как склад («провизии и лекарств для тысяч людей»). Брежнев – как противоятомное убежище с секретной линией метро. Андропов, в конце концов:

Приказал построить несколько комнат, именно под местом, где находится тело Владимира Ильича: там есть кафе с бутербродами с икрой и красной рыбой для охраны, спортзал, где тренируются агенты КГБ, электронный центр, который контролирует температуру тела отца революции (Franceschini 1996, 63).

Фантазии? Скорее всего да. Однако с уверенностью можно сказать, что идея этой «литературной любви» между Наташей и итальянским корреспондентом взята из реальной жизни, потому что опирается на самую настоящую платоническую «нежную дружбу» молодого Горбачева и некоей Юлии Карагиной, о которой Франческини рассказывает уже в статье от 7 августа 1991 года «Детство Горбачева. Примерный ученик и несостоявшийся актер» (Franceschini 2021, 180-87). К тому же, это не единственная «цитата само-

го себя”: Франческини сделает то же самое с начальником КГБ Крючковым, которого поймал в курительной комнате Дворца Съездов и взял интервью и как журналист, и как писатель:

роман

В курительной комнате появился мужичок [...], за которым следовал на расстоянии нескольких метров крепкий молодой человек; [...] с папкой под мышкой [...] «Вы не могли бы ответить на пару вопросов?» (Franceschini 1996, 129).

статья

Крючков ходит туда-сюда [...] с папкой под мышкой, незаметно сопровождаемый мускулистым охранником [...] в специальном помещении под лестницей, отведенном для курения: «Владимир Александрович, вы не могли бы ответить на пару вопросов?» (Franceschini 2021, 117)⁹.

В общем, граница между реальностью и выдумкой тонка. Франческини-романист утверждает: «Кажется, что слова создают события, и жизнь приобретает вкус романа, в котором и ты чувствуешь себя одним из персонажей» (Franceschini 1996, 58). Наташа – «героиня романа», которая заставляет жить своего любимого «внутри романа». В обоих случаях (Franceschini 1996 116 и 153), конечно же, русского.

Какова же ни была эта граница, она крепко связана с городской географией. Москва из романа часто совпадает с городом из интервью, но она грандиознее, более детализированная и точнее описанная, чем в последних. «В Москве все по-крупному» (Franceschini 1996, 116). И множество ее улочек стало фоном для сюжета: Китай-город (район китайцев или тайн, на выбор), Лубянка, демоническая Садовая Булгакова (главный герой также оказывается в квартире 666, но не узнает Патриаршие пруды)¹⁰, Старый цирк на Цветном, сталинская готика гостиницы “Украина” и главного здания МГУ, Мавзолей, где «заключен» дедушка Ленин, Новодевичье кладбище (и, конечно же, могила Хрущева, «под глумливым памятником, наполовину белым, наполовину черным, как и его история» (Franceschini 1996, 71), собор, «потонувший» в бассейне “Москва” (Franceschini 1996, 91), памятник Свердлову (который вслед за другими памятниками снесут в ближайшем 1991-ом, но в тот момент – место встречи глухонемых), Пушкинская площадь, до и после, сверху и снизу:

⁹ “Лицом к лицу с главой КГБ” (23 декабря 1990). В романе находит свое отражение и реальный диалог, произошедший между Франческини и Крючковым в отношении «жучков», с помощью которых КГБ следит за иностранными журналистами, хоть и средства комитета были «намного более ограниченными, чем вы, на Западе, себе представляете» (Franceschini 1996, 129).

¹⁰ Гуляя со своей девушкой, главный герой описывает «небольшую площадь» недалеко от Тверской «с забавными статуями фей и чудищ посреди замерзшего озера» (Franceschini 1996, 59); речь идет, скорее всего, о скульптурах, посвященных басням Крылова и установленных на прудах в 1976 году.

Когда-то площадь была прибежищем молодежи, которая декламировала стихи рядом с памятником самого любимого русскими поэта. Сейчас – место, где молодежь стоит в очереди за гамбургером в самый любимый русскими ресторан, первый Макдональдс, открытый в Москве. На площадь выходят также редакции двух больших советских газет [т.е. *Правда* и *Известия*, К.О.], [...] всегда найдется кучка преданных читателей перед щитами с газетами. Но по-настоящему внимательные и многочисленные читатели не останавливаются на площади: они спускаются в подземные переходы, где в начале перестройки люди собирались и обсуждали политику (Franceschini 1996, 18-9).

Герой Франческини вспоминает свою первую ночь в столице, которая «казалась неведанным миром, экзотическим, как Индия, как Аравия из *Тысячи и одной ночи*» (Franceschini 1996, 117). Москва, которая предстает перед нами в романе, это Москва-Питер: «бабья» и сумасшедшая («В России безумие ищет тебя», «Что же за человек тот, который избегает приключений в России?»; Franceschini 1996, 12 и 25), а также ведьминская и рисковая, созданная из культурных и литературных стереотипов, классических и советских, из серии «Умом Россию не понять» (и действительно, знаменитые строки Тютчева дословно цитируются в романе; Franceschini 1996, 142)¹¹.

Отставив в сторону очарование и тайны, топографическая точность, которую видно уже из самого названия романа, все же придает правдивость повествованию (и этот прием нам прекрасно известен). С другой стороны, и статьи Франческини обладают некоей литературностью и связаны с московской топографией. Литературные отсылки начинаются от культа русско-советской литературы, “алкогольного” романа Венедикта Ерофеева *Москва-Петушки* и доходят до столь же известного примера массовой западной литературы, как детективная история Мартина Круза Смита *Парк Горького*. В Прологе же автор сравнивает себя с Джоном Ридом и Йозефом Ротом: ведь «нечасто приходится журналисту стать свидетелем Истории» (Franceschini 2021, 13), те видели рождение, он – закат Советского Союза. Рид упоминается и в статье “Лихорадка рулетки, последний порок России” (5 апреля 1991), которая описывает недавно открытое (кстати, одним товарищем из Болоньи) казино «Royale» на Московском ипподроме. Игроmania новой России, о которой автор упоминает кратко, но в тех же тонах, и в *Женщине Красной площади* (Franceschini 1996, 106), дает журналисту повод цитировать *Игрока* Достоевского, чтобы в малейших деталях описать здание ипподрома, построенное царем Николаем I, отреставрированное Сталиным и в те дни приведенное в порядок «депутатом и лекарем очей Святославом Федоровым» (Franceschini 2021, 150). В сборнике статей упоминаются и места, которых нет в романе, например, Елисейский гастроном («самый

¹¹ И действительно, Урина (2014, 249) отмечает, что в проанализированных ею примерах «еще одна примета – это неперемный Тютчев с его ‘умом Россию не понять...’; цитирование которого почему-то всегда ограничивается первой и последней строкой четверостишия».

большой и элегантный продовольственный универмаг Москвы»; Franceschini 2021, 97) и Дом на набережной (где состоялось интервью с Л.М. Кагановичем; Franceschini 2021, 50-62). Но если в статьях география столицы намного скромнее, чем в романе, в них более очевидна связь между географией, историей и политикой.

В статье сентября 1990 года все меньшая неизбежность политической власти вытекает из полного расслоения самой топографии города: «Последняя острота о Михаиле Горбачеве: советский президент [...] командует уже лишь внутри *Sadovoje Kalzò*, кольцевой дороги, внутри которой находится центр столицы» (Franceschini 2021, 28). Через несколько месяцев, 29 марта 1991 года, журналист пишет манифест в поддержку Ельцина и Москвы, которая разделена надвое, идеологически и географически, – с одной стороны демократы, с другой консерваторы:

Борис Пуго объявляет, что его войска не будут препятствовать демонстрантам собираться в двух точках отправления манифестации: старый квартал Арбата, в районе Проспекта Калинина, и площадь Маяковского, но остановят их на улице Горького, если те попытаются приблизиться к Кремлю (Franceschini 2021, 145).

И во время путча две группировки тесно связаны с определенными местами. Франческини сломя голову возвращается из отпуска (и из Италии) 20 августа 1991 года в самый разгар государственного переворота. Приземлившись в Шереметьево, собкор видит последствия чрезвычайного положения, как если бы смотрел на карту города, по дороге от аэропорта до Кутузовского проспекта, где находятся офисы иностранных журналистов и «в конце улицы сверкает белый дворец Парламента России» (Franceschini 2021, 206). Кроме того, столица вновь расколота и

представляется историей двух городов, отличных и сосуществующих, один – израненный путчем, другой – мирно дремлющий [...] разделенная надвое между баррикадами военных вокруг Кремля и народа, граждан, которые хотят защищать демократию, сплоченных вокруг «Белого дома на Москва-реке», штаб-квартиры Парламента России (Franceschini 2021, 203-4).

Франческини описывает двойную «горизонтальную» Москву, что не так уж и отличается от «вертикальной» того же Дзукони, который все в те же дни путча замечает:

Москва пушек в августе [...] уже стала двойным городом, разделенным на два этажа. Та, что на поверхности, зримая, ликующая [...] – это верхняя Москва [...], смотрящая на Бориса Ельцина и ждущая от него справедливости и холодильников, честности и колбасы. [...] Но в подземельях этой лучезарной Москвы существует другая Москва – Москва подземная и секретная, утраченный город коммунистов и воспоминаний. Что-то вроде политической и человеческой Атлантиды, континент, исчезнувший буквально за одну ночь, почти не оставив следов в пространстве (Zucconi 1992, 284-85).

Трудно сказать, исчез ли тот континент или нет, и примеры, приведенные на этих страницах, все еще следует изучить подробнее. В заключение хотелось бы, где-то на полях, написать пару слов о следующем.

В процитированных произведениях не появляются лишь “физические” места, но и “содержательные” *topoi*. Например, и Волчич, и Франческини (журналист, не романист), проводят ночь с милицией, чтобы поучаствовать в борьбе с преступностью в столице. Оба упоминают еще раз конкретные места (Петровка 38, Площадь трех вокзалов) и приходят к единому мнению по поводу отношений между новой экономикой (частной) и новой преступной средой (мафиозной): Волчич (1992, 182-84: “Белые ночи”), говоря по сути и сдержанно, Франческини же (2021, 77-82: “Одна ночь с московской милицией, или Казаки-разбойники”) – более пространно и с присущим ему художественным подходом.

И еще одно замечание. В поисках мест я сталкивалась с размышлениями, которые по прошествии тридцати лет оказались пророческими (см. например, “Эпилог” Дзуккони; 1992, 312-32). С другой стороны, принимая во внимание, что рассказанные события и проанализированные тексты произошли и были созданы практически одновременно¹², мы видим, что все авторы ясно понимают: наблюдая городскую географию, они наблюдают ход истории.

В своей статье Екатерина Пургина (2020) рассматривает недавние травелогии *Molotov's Magic Lantern* Ракели Полонски и *Travels in Siberia* Яна Фрэйзера, что подтверждает: и в наши дни путешествие в пространстве тесно связано с путешествием во времени. Диахронический подход (Полонский и Фрэйзер совершают путешествие как в географию, так и в прошлое России) может быть использован и в синхронии. Возьмем, например, последние замечания Франческини и Дзуккони насчет «двойной» столицы августа 1991 года. Даже если Франческини описывает Москву горизонтальную и географическую (где узнаются конкретные места), а Дзуккони представляет Москву вертикальную и идеологическую (где новое противопоставляется старому), вне всякого сомнения, город и пространство служат запечатлению современности.

Все тексты, мною проанализированные, даже если и под иным углом зрения, “фоткают” здания, улицы, памятники... одним словом – “места”. Эти места могут быть “старыми”, т.е. полученными в наследство от предыдущих путешественников или являющимися смутным воспоминанием из прошлого (исторического, литературного, культурного); и “новыми”, потому как в них создается современная история. И как бы то ни было, на старые места стоит посмотреть новыми глазами в свете новой истории. Взять, например, Красную площадь и Мавзолей Ленина, где Дзуккони и Волчич наблюдают в режиме ре-

¹² Единственное исключение – это Франческини (2021), который “обрамляет” статьи и интервью того времени Прологом (“Свидетель конца”) и Эпилогом (“Тридцать лет спустя...”) и включает в свой сборник интервью от 7 октября 1997 года Д.С. Лихачева “Говорит Лихачев, душа России”).

ального времени закат коммунизма 25 декабря 1991 года, куда Франческини отпускает погулять своих влюбленных героев, и гуляет он сам от Мавзолея Ленина до ГУМа (Franceschini 2021, 63-6 и 111-13).

О самой “красной” площади страны пишет и Джулио Андреотти в своей книге «впечатлений» о почти сорока годах истории и двусторонних отношений СССР *вблизи. С холодной войны до Горбачева*. Андреотти, известный и своими «толстыми намеками на тонкие обстоятельства», вспоминает, что во время своего первого путешествия в СССР в 1972 году:

Я должен был уезжать на следующее утро, так и не увидев Красной площади. Маршрут наших авто был всегда составлен так, чтобы заезжать в Кремль сзади, с целью, как казалось, не ставить нас перед выбором отдавать или нет дань уважения могиле Ленина, уже несколько лет лишенного своего близнеца Сталина (Andreotti 1988, 95-6).

“Искривленные” траектории и сожаления похожи на те, что высказывает уже упомянутый “Веничка” Ерофеев, который, более или менее в тот же период, писал не без подтекста: «Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел» (Ерофеев 2001, 17). В отличие от писателя, политик исполнит свое желание в 1979 («В этот свой второй приезд в Москву не хотел уезжать, не увидев Красной площади, и пошел туда рано утром, до начала официальной программы»), посетит Мавзолей (с Лениным, «который впечатляющим образом походил на Лелио Бассо»), понаблюдает за «невестами в белом», которые толпятся на входе (Andreotti 1988, 131), и затем, по случаю похорон Андропова (1984) и Черненко (1985), проведет на Красной площади нескончаемые часы, которые неизбежно изменят его точку зрения еще и из-за жутких холодов¹³.

Опыт не только Андреотти, но и Дзукони, Волчича, Франческини показывает, что пространство и места являются действительно «палимпсестом смыслов» (Пургина 2020, 269). Я уверена, что в их неизменности эти места-палимпсесты изменятся еще не раз.

¹³ Вот что вспоминает Андреотти об этих похоронах: «Затем была церемония на Красной площади, с гробом, еще открытым по восточной традиции, и огромным количеством прощально-хвалебных речей, которым внимали стоя при минус двадцати градусах, без параллельного или последовательного перевода, потому совершенно непонятных для большей части из нас. При жутком холоде каждый выживал, как мог. Были запасливые, которые вытаскивали тайком маленькие флажки, скорее всего со спасительным алкоголем, и те, кто тихонько прыгал, чтобы избежать отмороженных рук и ног. [...] Думаю, что пожелания долгой жизни К.У. Черненко были на самом деле искренними [...] но совершенно точно единым было пожелание, что, если бы тот умер, не откладывая в долгий ящик, то по крайней мере выбрал бы более подходящее время года, а не тот кошмарный холод, который заморозил всех присутствующих на похоронах Андропова. [...] Но ритуал повторился, и если температура была выше на три градуса, то сюрпризом стал влажный ветер, который делал пребывание на ногах в течение всего, или почти всего, утра еще более тяжким» (Andreotti 1988, 170-71 и 220-22).

Цитируемая литература

- Andreotti, Giulio. 1988. *L'Urss vista da vicino. Dalla guerra fredda a Gorbaciov*. Milano: Rizzoli.
- Dubinskaja, Lidia. 1982. *Mosca. Leningrado. Kiev. Guida*. Mosca: Edizioni Progress.
- Franceschini, Enrico. 1996. *La donna della Piazza Rossa*. Milano: Feltrinelli.
- Franceschini, Enrico. 2021. *La fine dell'impero. Ultimo viaggio in URSS*. Milano: Baldini&Castoldi.
- Lonely Planet. Russia, Ukraine & Belarus*. 1996. Hong Kong: Colorcraft Ltd.
- Persi, Ugo, ed. 2013. *Italia, Russia e dintorni. Piccola rassegna tipologica del viaggiare*. Bari: Stilo Editrice.
- Purgina, Ekaterina. 2020. “Imagined geography of Russia in Western travelogues: Conceptualizing space through history.” *Social Science Information* V, 59(2): 264-87. DOI 10.1177/0539018420921991.
- Topolino*. 1988. “Topolino e l'incredibile avventura,” “Alla scoperta della Russia.” *Topolino* 16 ottobre 1988 (1716).
- Traini, Cheti. 2022. *L'URSS dentro e fuori. La narrazione italiana del mondo sovietico*. Firenze: FUP. DOI 10.36253/978-88-5518-640-7.
- Volcic, Demetrio. 1992. *Mosca. I giorni della fine*. Milano: Arnoldo Mondadori Editore.
- Zava, Alberto. 2018. *Dal nostro inviato in Unione Sovietica. Reportage di viaggio di scrittori-giornalisti italiani 1950-1960*. Venezia: Edizioni Cà Foscari. DOI 10.14277/978-88-6969-234-5.
- Zucconi, Vittorio. 1992. *Si fa presto a dire Russia*. Milano: Arnoldo Mondadori Editore.
- Ерофеев, Венедикт. 2001. *Москва-Петушки*. Москва: Вагриус.
- Левинсон, Алексей. 2012. “Лето на «Стрелке» Социолог Алексей Левинсон о борьбе за Кремль, дизайне митингов и новых функциях политиков”. Интервью Юрия Сапрыкина *АфишаDaily* 29 июня 2012, <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/sociolog-aleksej-levinson-o-borbe-za-kreml-dizajne-mitingov-i-novih-funkcijah-politikov/>
- Никитин, Сергей А. 2020. *Страна имен. Как мы называем улицы, деревни и города в России*. Москва: Новое Литературное Обозрение.
- Урина Наталия. 2014. “Книги путешествий по России итальянских журналистов: проблематика и авторская позиция.” В кн. *Путешествие в Италию – Путешествие в Россию*. Сб. статей по материалам итало-российских исторических конференций, отв. ред. Елена Крупенина, 245-49. Москва: Тип. ВП-принт.